

Алена Жукова

Слоеный пирог

Светлой памяти моей бабушки Евдокии посвящается

Первое тепло втянуло в себя еще не настоявшиеся запахи лета. Заклубившаяся по придорожью трава, густо присыпанная лепестками отцветающих вишен, заправила воздух пряной горечью, начисто вытеснив прокисший дух отсыревшей земли. После майских ливней все вокруг набухло и сочилось, как слоеный ягодный пирог, который баба Вера пекла по большим праздникам. Сегодня как раз был такой день – день рождения внука Сережи. Мальчику перевалило за тридцать. Он защитил кандидатскую диссертацию по прикладной математике и принялся за докторскую. До последнего времени жениться не спешил, был домоседом, сластеной и книголюбом. Вера Егоровна гордилась внуком, одобряла его холостяцкий образ жизни и не разделяла страхов дочери Антонины, что Сереженька засиделся.

– Дело большое, – цедила она сквозь зубы в ответ на истеричные всплески Тониных стенаний. – Успеет еще, чай, не девка, чтобы с годами в цене падал.

Тесто для пирога замешивалось как-то неохотно – липло к рукам, собиралось в комок, и баба Вера знала, что это неспроста.

– И что это за имя такое – Майя? – бурчала она под нос. – Все равно что Марта... Ведь не русское же. И фотографию не показал, небось, носатая и очкастая...

Все это имело отношение к девушке, которая должна была прийти сегодня вечером в их дом, сесть с ними за стол, есть этот самый пирог и знакомиться с мамой и бабушкой Сергея. Ясно

для чего – невеста. Об этом внук уже объявил, и на ее памяти она – первая, кого он решил привести на смотрины.

Тоня суетилась возле стола и в сотый раз переключивала с места на место тарелки. Красный халат, голова в бигудях и тяжелый второй подбородок делали ее похожей на генерала Кутузова, склонившегося над картой военных действий. Не хватало только черной повязки на глазу, но свирепо-сосредоточенное выражение ее лица компенсировало эту недостачу.

– Мама! – рявкнула басом Тоня, тряся в воздухе ножом. – А где вилочки для рыбы? Ты куда их засунула? В ящике нет, в коробке тоже.

Вера криво усмехнулась и посоветовала дочке вспомнить, когда и кому из соседей она их одалживала.

– Опять ты за свое! Да не брала их Белла! Чуть что – сразу она. Между прочим, когда Белла что и одалживает, так всегда возвращает чистеньким, отмытым, отглаженным, не то что эти Курдюковы. После них противно вещь в руки взять, а ты им даешь. А вот когда Белла приходит, так ты – морду ящиком. Думаешь, я не знаю почему? А просто для тебя фамилия Курдюковы гораздо приятнее, чем фамилия Мильштейн. Мне надоели твои мерзкие штучки – щупаешь, проверяешь, зудишь, что Белла все подменила. И про ее еврейскую хитрость уже слышать не могу. Помнишь, как ты серебряную ложку в мусорное ведро уронила, а Беллу воровкой обозвала? А потом, вместо того чтобы извиниться, вспомнила про Исход. На смех курам! Что ты несла, забыла? Евреи, мол, одолжили у египтян на три дня золотую и серебряную посуду, а потом с этими тарелками сбежали. И по пустыне сорок лет ходили, лишь бы награбленное не возвращать. Как тебе не стыдно? И при чем тут Белла? Ты, мать, эти дела брось. Чтоб ты знала: у Сережкиной невесты дядя в Израиле, и родители ее туда собираются. Может, и молодые вырвутся, если поженятся. Ты глаза-то открой. Посмотри, что вокруг делается.

Баба Вера насупилась и ничего не ответила. Ей и правда уже давно не нравилось все, что происходило в стране. Война не война, а продуктов опять не хватает. Теперь в магазинах и с мукой перебои, и масло – польское, ничем не пахнет, и куры, что ли, нестись перестали. А этот – в телевизоре, на танке стоял, руками

махал, а вокруг толпа кричала: «Яйцы! Яйцы!». Это ей тогда так послышалось, а оказалось, что народ кричал: «Ельцин! Ельцин!». Вот и докричались... Лучше бы яиц потребовали. Теперь вот даже на пирог не хватает. Искромсали на кусочки большую страну. И что хорошего? Где живем – сами не знаем. Только все равно – незачем уезжать. Стыдно ведь! За колбасой, что ли? За ней можно и в столицу съездить, ближе будет. Ишь чего удумал внучок! Уедут они, как же. Пока жива – не дам. Костью лягу. Да, ничего не скажешь, хороша невесточка. Гнать ее надо, поганой метлой гнать...

Пирог не удался. Кислые мысли и камень на душе отняли у теста легкость, а у начинки сладость, а может, во всем был виноват продуктовый дефицит. Баба Вера косилась на девушку и не понимала, что мог Сережка в ней найти. Худая, чернявая, только нос торчит. А характер, сразу видать – не сахар: брови густые сводит, губы поджимает. Ох, намается с такой девкой, держись. Но аппетит хороший – во как пирог уплетает. Небось ее бабка такой не делает. Сейчас спрошу...

– Майя, может, тебе добавочки? – как можно равнодушнее предложила Вера. – Наверное, твоя бабуля пирогов не печет?

Майя чуть не подавилась, поймав на себе лисий взгляд старушки. Она отложила кусок пирога и, не отводя глаз, негромко, но жестко ответила:

– Не печет. Во время войны ее саму в печь отправили. Сначала в газовую камеру, а потом в печь. Вам должно быть знакомо слово «Холокост». Если нет, то я вам расскажу историю моей семьи.

Ее смуглое тонкое лицо пошло красными пятнами, глаза заблестели, и баба Вера тяжело встала из-за стола, и, шаркая, пошла на кухню. По дороге она успела проворчать, что нечего тут пугать Холокостами – сами все видели и лучше вашего знаем, что и как. Антонина выбежала за ней следом и прикрыла за собой дверь на кухню. Оттуда была слышна невнятная словесная перепалка на повышенных тонах. Сергей пытался удержать Майю, которая рвалась к двери и твердила, что ни минуты не останется в их доме. Он схватил ее в охапку, рискуя получить зонтиком по голове, и крепко встряхнул.

– Майка, ты с ума сошла? Из-за чего?! Она же ничего такого не сказала! Ну брось! Бабка вредная, но добрая, вот увидишь.

– Ты заметил, как она меня глазами сверлила? Понимаешь, я кожей чувствую, что она меня уже ненавидит. Пойдем, пожалуйста. Я перед мамой твоей извинюсь, она хорошая, но не могу я, пойми, а то расплачусь...

Они стояли, обнявшись, у Майкиного дома. Разлипаться не хотелось. Вечернее небо густело и наливалось темнотой. На его фоне профиль девушки, казалось, был вырезан из белого картона. Майя окаменела, смотря куда-то вдаль или, наоборот, вглубь себя. Сергей любовался ею и все старался как-то растормошить. Ничего интереснее не придумав, просто осторожно подул в ухо.

– Вся белая, а уши красные. Горят, значит, кто-то о тебе вспоминает.

Майя повернула лицо, и он увидел горящие угольки глаз. Вот куда надо было дуть. Слезы, которые в них проступили, казалось, сейчас закипят.

– Сереженька, ты ведь не передумаешь, правда? Я боюсь, что ты не сможешь просто наплевать на своих бабу и маму.

– Ну, во-первых, между ними единства взглядов не наблюдается. Мама – это одно, а бабуля – совсем другое. Как я сказал, так и будет. Через три месяца свадьба, а потом – радостные проводы молодой семьи на Землю обетованную. А потом – суп с котом. Приедут обе как миленькие: что им тут без меня делать? Кстати, у нашей бабули в Израиле подруга детства живет. Ее, кажется, Раей зовут. Мать рассказывала, что были они не разлей вода, но потом та уехала, а бабка наша из вредности ни на одно письмо не ответила. Ей даже посылки оттуда приходили, а она их отсылала назад.

– Вот видишь! А ты говоришь: «Приедет как миленькая». Да твоя бабулька, наверное, и на свадьбу-то не придет. А я так мечтала понравиться! У меня комплекс семейной недостаточности. Все говорят, что я очень похожа на свою бабушку Голду. У нас была большая семья – бабушкины сестры, их мужья, дети, – всех уничтожили, кроме мамы моей, самой маленькой в семье, и дяди Иосифа, который ушел на фронт. Бабушка Голда, когда фашисты за ними пришли, просто накрыла свою маленькую дочь с головой одеялом и приказала молчать.

Девочка слышала крики, автоматные очереди, но молчала. Она была очень послушной, и это ее спасло, никто не заметил ее под одеялом. Мама совсем не помнит, как оказалась в детдоме, помнит только, что долго куда-то бежала. Ей в детдоме хотели дать другие имя и фамилию, а она не могла возразить, поскольку онемела от шока, но когда к ней вернулась речь, то гордо заявила: «Я – Манечка Левина». Это спасло ее во второй раз, иначе вернувшийся с фронта дядя Иосиф не смог бы ее найти. А хочешь, я тебе бабушку покажу? Ее фотография с Иосифом всю войну прошла, а теперь с ним в Израиль уехала, но он попросил знакомого художника написать портрет Голды. Все, кто его видит, спрашивают, чего это я так чудно одета. Меня Майей назвали в честь Победы, а хотели Голдой.

– Нет, Майя лучше.

– Что лучше? Вот видишь – и ты туда же: главное, чтобы скрыть, чтобы не выпячивать, вроде физического недостатка. А если бы меня, к примеру, Марфой хотели назвать, тебе бы понравилось?

– Какая разница! Теперь вы, девушка, без пяти минут как гражданка Рубцова. Не возражаете?

Сергей улыбался, замечая, как с лица невесты сползает трагическая маска. Но вдруг Майя словно проснулась:

– Сереженька, ой, я совсем забыла тебе сказать! Я с дядей Иосифом на днях разговаривала. Он позвонил из Хайфы, ну я ему и рассказала про нас. Он за меня очень рад. Только фамилию он менять не советует. Ты же теперь понимаешь, что она значит для мамы, для меня. Он предложил тебе тоже ее взять. Сергей Александрович Левин. Неплохо, как думаешь?

– Так, дорогая моя, а обрезание он не предлагал?

– Ну не обижайся, пожалуйста. Если хочешь, мы тут останемся. Я, конечно, буду по маме скучать, но ты ведь со мной.

Майкины глаза опять грозились намокнуть. Она уткнулась лицом в Сережину грудь, и ее худенькие плечики дернулись. Сережа втянул запах Майиных волос – они пахли дождем. Он просунул руки под ее блузку, захотев прямо тут, сейчас, стиснув ее до хруста в костях, прислонить к дереву и заставить уступить его желанию. Майя подняла голову и легонько оттолкнула Сергея.

– Не сегодня, пожалуйста. Лучше пойдем к нам, я тебе бабушкин портрет покажу, сам увидишь, как мы похожи.

В ответ на это предложение Сергей не очень удачно пошутил, что он тоже копия бабушки в детстве.

– Ты не заметила? Мы же с ней – одно лицо.

Майя, как-то нелепо пятясь, отходила от него все дальше и дальше. Потом она закричала:

– Никогда не говори это, слышишь! Ты не похож на нее, ни капельки! А если такой, как она, – уходи!

Она побежала к подъезду, как вдруг, споткнувшись, упала плашмя на асфальт. Сергей одним прыжком оказался рядом и увидел, что ее колено превратилось в кровавое месиво. Майя угодила им прямо на железную крышку люка. Девушка хоть и кусала губы от боли, но была счастлива. Сережа дул на рану, называл ее Маюшечкой, кошечкой и еще сотней уменьшительно-ласкательных имен. Он нес ее на руках к дому, а она шептала:

– Ты не волнуйся, до свадьбы заживет.

– А если нет, – успокаивал он, – невесте подыщем изящные костыли.

– И еще туфли на шпильках, платье в оборках и фату в пол. Красота!

– Все будет, все, что захочешь, только не плачь...

– А я и не плачу, это от счастья...

До свадьбы зажило не все. Травма оказалась достаточно серьезной, и невеста только месяц назад избавилась от костылей. Колено все еще было стянуто тугой повязкой, но роскошные кружевные оборки свадебного платья, привезенного дядей Иосифом, скрывали от посторонних глаз эту неприятность. Торжество было решено провести скромно в Сережиной квартире, а на сэкономленные деньги поехать в Коктебель. Мечта отдохнуть в Планерском, пройтись по волошинским местам была для обоих самой заветной, если не считать той мечты, которая уже почти свершилась, и последним аккордом должен был стать «Свадебный марш» Мендельсона. Планы чуть не смешали два обстоятельства – приезд дяди Иосифа и вредность бабы Веры. Когда подсчитывали гостей с обеих сторон, Вера Егоровна с удовольствием отмечала значительный перевес в пользу жениха.

Невестины ряды крепко поредели по причине не прекращающейся в последнее время эмиграции, и даже у родителей Майи было абсолютно чемоданное настроение. Вера все в толк не могла взять: «Дочь вроде замуж выдают, а сами палец о палец не ударят. Та еще семейка, лишь бы сбагрить поскорее девку. Ясное дело, кому такая красавица нужна, кроме нашего дурачка? Он-то бабами избалован не был, все на свои циферки пялился, а как глаза поднял, так эта швындра носатая нарисовалась. А мы вот посмотрим, как это вам удастся нашего парня захомутать». Вера Егоровна вынашивала план, который мог сорвать, а если не сорвать, то хотя бы отсрочить свадьбу. Она придумала, что в тот день, когда молодым в ЗАГС идти, она встанет ни свет ни заря и примется месить тесто для пирога. Еще она будет жарить, шкварить, резать, чистить, а потом... То ли от усталости и волнений, то ли от старости и болезней как схватится за сердце, как упадет на пол, как заголосит! Тут тебе и «скорая», и больница – вот-вот помрет! О какой свадьбе может идти речь?

Но ее планам не суждено было сбыться.

Дядя Иосиф приехал за три дня до росписи, и все пошло кувырком. Когда-то до отъезда он был городской знаменитостью – лучший кардиолог города. Его помнили, любили, и гостей со стороны невесты заметно прибавилось. Квартира жениха уже не могла всех вместить. Иосиф решил сделать подарок племяннице и заказал самый красивый и дорогой ресторан. Такой поворот событий спутал планы бабы Веры. Можно было, конечно, просто так на пол упасть и за сердце схватиться, но она считала это неубедительным. Несмотря на заказанный ресторан, Вера Егоровна все же затеяла выпечку пирога якобы для того, чтобы не нарушать традицию и сделать внуку подарок. Встала рано, долго возилась на кухне, как вдруг сомлела и с грохотом завалилась. Шуму и крику было – не приведи Господь! Тоня рыдала, пытаясь привести мать в сознание. Сергей вызвал «скорую», позвонил Майе и, успокоив как мог, попросил к телефону дядю Иосифа. Иосиф приехал раньше «скорой». Он склонился над старушкой и приложил ухо к ее груди. Лицо его выразило крайнее недоумение.

– Пульс и сердце как у спортсмена, – сказал он. – Возможно, легкий обморок. Откройте окно.

Он еще раз наклонился над Верой Егоровной и ласково сказал:
– Голубушка, ну нельзя так в вашем возрасте напрягаться. К чему эти кулинарные подвиги? Поверьте, в ресторане еды будет более чем достаточно. И пироги тоже будут.

– Таких не будет, – сказала несчастная баба Вера, разлепив один глаз.

И в этом она оказалась права. Даже тающий во рту свадебный торт был не таким вкусным, как ее знаменитый слоеный пирог.

До отъезда в Израиль бабушка Вера не дожидая – возможно, просто не захотела. Она так и не смирилась с мыслью, что внук с женой уедут, а за ними настанет их с Тоней очередь. Теперь вся жизнь семьи превратилась в долгие сборы. Уже ничего не покупалось и не делалось просто так, только если это «там» пригодится. Вера чувствовала, что меньше всего им «там» нужна старая развалина, ну разве что пироги печь.

– Ничего, ничего, пусть Раиных пирогов попробуют, – зло-радствовала она. – Как ее, безрукую, ни учила, а все попусту. Хорошо бы Райкин адрес отыскать, им там он не помешает. Куда ж этот конверт подевала?

Полночи Вера перебирала старые фотографии, открытки, письма и документы. На одном из клочков бумаги она нашла каракули на иностранном языке. Похоже, что это был адрес Раисы Пилцер – ее закадычной подруги юности, а ныне гражданки Израиля. Наконец, намаявшись, Вера легла в постель, но сон не шел. Она опять взяла старые фотографии и попыталась найти на них Райку, но вспомнила, что давно все разорвала на клочки и в мусорное ведро выбросила. Полуслепые глаза высматривали на фотографиях то, что не попало в объектив. Ей хотелось вытянуть из памяти подробности, а ничего особенного не вспоминалось. Почти забылись довоенные годы, немного яснее казались послевоенные, а саму войну помнила, как если бы она была вчера. Жизнь показалась такой короткой и незначительной. Прикрыв веки, из-под которых потекли по бороздкам морщин слезы, она, как в кино, увидела перрон вокзала, с которого они с Раей провожали на фронт мужей, потом – эти страшные конверты с похоронками, пришедшие в конце войны один за другим, сначала Рае, потом ей. Вспом-

нила и то, что всегда вспоминать боялась: оккупация, немцы в городе, а у них с Райкой малые дети на руках...

Больно кольнуло сердце. Она попыталась лечь удобнее. Сердце ныло не переставая. Потом вроде отпустило, только трудно стало дышать. «Надо бы окно открыть», – подумала, куда-то проваливаясь, но встать уже не было сил. Ей вдруг показалось, что она громко кричит, падая с высоты в бездонную пропасть. Наконец перестала падать и полетела вверх. «Значит, не умираю, – пронеслось в голове, – просто засыпаю. Полетели!»

Веру Егоровну хоронили под проливным дождем. Кто-то сказал, что по ней земля плачет, и еще, что Господь послал ей смерть во сне, как настоящей праведнице. В то страшное утро, когда Тоня пыталась разбудить уже мертвую Веру Егоровну, из руки покойницы выпал кусочек конверта с израильским адресом. Уже после похорон Тоня внимательно изучила его и решила, что это скорее всего адрес Вериной подруги Раи. Она еще раз пересмотрела все бумаги, но ничего связанного с Раей не нашла. Попытавшись вспомнить, как выглядела Рая, поняла, что, кроме громкого смеха и черных волос, ничего не вспоминается. А вот ее детей – сопливого Семку и тихоню Ривку – она помнила отлично. Когда это было? В году так в сорок седьмом, а может, позже. Когда же тетя Рая уехала? Лет сорок назад или меньше? И все это время мать уничтожала ее письма, фотографии, саму память о ней. Что же между ними произошло?

Восстановить историю дружбы удалось уже в Израиле, и она оказалась куда более удивительной, чем кто-либо мог предположить. Достаточно сказать, что беременная Майечка, услышав ее от тети Раи, плакала так, что все не на шутку перепугались – не случилось бы беды. Когда Сережа после долгих поисков обнаружил Раису Моисеевну Пилцер двадцатого года рождения, проживающую в городе Ашдоде, а не в городе Хайфе, как было указано в старом адресе, то найти номер телефона уже не составляло большого труда. Разговор начался просто: «Это Раиса Моисеевна? Вас беспокоит Сергей Рубцов, внук Веры Егоровны Рубцовой». Дальше ничего, кроме криков Раи, рыданий и просьб позвать Верочку к телефону, не было. Они поехали всей семьей на встречу с бабушкиной подругой.

Рая встретила их тоже не одна. По крайней мере человек пятнадцать сидело вокруг стола.

– Если бы не Вера, – горько рыдая, рассказывала Рая, – то никого бы из нас не было на свете. Погибла бы я, мои дети – Семочка и Рива, а значит, не появились бы внуки, а теперь вот правнуки. Посчитайте, скольким людям Вера жизнь подарила. Когда немцы оккупировали Украину, мы оказались в западне. Мы с Верой в одном дворе жили, окно в окно. Когда немцы вошли в город, было приказано наутро всем евреям собраться у здания комендатуры с вещами и документами. Я знала, что это конец. Они всех гнали к оврагам и расстреливали, а тех, кто пытался укрыть нас или как-то помочь, вешали на площадях. Вера решила увести нас на другой конец города к мясокомбинату, где директором долгие годы был ее дед. Она помнила, что в одном крыле здания есть подземный ход в складские помещения. Когда-то давно он был завален камнями по приказу деда, но под ними есть железная дверь с замком. Ключ от нее остался в их семье после дедушкиной смерти. В свое время была обнаружена большая недостача, и директор догадался, каким образом мясо выносят с территории. Мы понимали, что самое важное – ночью не попасться в руки патрулей. Вера принесла метрику и свидетельство о крещении ее сестры Любы, умершей в юности от тифа. Приказала мне надеть нательный крестик и взяла ножницы. Отрезала мои черные косы и пергидролем высветлила волосы. Теперь мы хоть как-то могли сойти за сестер. Вера ведь беленькая была, как одуванчик. Однажды патруль все же засек, документы проверил, но отпустил. Всю ночь мы перетаскивали камни, чтобы найти этот ход, а когда вошли, страху было еще больше. Считай, как в могилу спустились: ни света, ни звука. Но вентиляция была, не задыхались. Осталась я там с детками: одному – пять, а другой – два. Так всю оккупацию и просидели. Боялись днем выходить, только по ночам, когда Вера приходила и еду приносила. И метрика эта нас бы не спасла – доносчики были на каждом шагу. А если бы с Верой что случилось?! Она пошла работать на комбинат, чтобы к нам быть поближе. Как она изворачивалась, чтобы не попасть на глаза немецкой охране, трудно представить. Отчаянная была. Что вам сказать, после освобождения города от фашис-

тов мы вывели детей из подвала. Они долго солнца не видели, почти ослепли, так Вера отдала все, что у нее было, на лечение моих детей. Я всем ей обязана. После войны мы обе овдовели и жили одной семьей. Так бы и жили, но меня нашел наш дальний родственник, который после войны оказался в Израиле. Я решила уехать, чтобы больше никогда не бояться быть тем, кто я есть. Этого Вера не понимала и не простила мой отъезд. Почти сорок лет я ей писала, но она ни разу не ответила, а когда стали возвращаться посланные мною деньги и подарки, поняла, что прощения не будет. А теперь вот поеду к ней, памятник поставлю от всех нас.

Через несколько лет на Вериной могиле был поставлен красивый памятник. Две женские фигуры из белого мрамора, словно выходящие на свет из черноты гранитной глыбы. Одна женщина поддерживает другую, едва стоящую на ногах. В день, когда его установили, собралось много народу. Были даже официальные лица, которые сообщили, что Вера Егоровна Рубцова награждена посмертно званием «Праведник мира» и в Иерусалиме на территории мемориала Яд Ва-Шем в Саду Праведников, где растут тысячи деревьев с именами тех, кто помог выжить евреям во время Холокоста, будет посажено еще одно дерево с именем Веры Рубцовой.

Майя, смахивая слезы, зябко прижималась к Сереже и думала, что не зря говорят: «Чужая душа – потемки», – но в то же мгновение поняла, как уродливо это выражение. Ведь если так думать, то невольно будешь находить в человеке только самое темное и гадкое. А в душе ведь главное – это сердцевина. И если она светлая, то неважно, что вокругросло. «Все дело в начинке, – любила повторять баба Вера, – а тесто – это только оболочка». Майя могла поклясться, что в эту минуту она почувствовала во рту сказочный вкус и аромат Вериного пирога. Теперь она понимала, что он получался таким вкусным именно потому, что баба Вера вкладывала в него всю свою душу.

